

Российская империя и Советский Союз – диалектика разрыва и преемственности*

Алексей Миллер

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия;
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия

The Russian Empire and the Soviet Union: The Dialectics of Rupture and Continuity

Alexei Miller

European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia;
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS,
Moscow, Russia

Historians, politicians, and other mnemonic actors are actively debating the question about what characterises the relationship between the Romanov Empire and the Soviet Union, i. e. continuity or rupture. The Soviet regime of the interwar period emphasised discontinuity, both in domestic policy and in the international arena. Whenever references to the Romanov Empire appeared in international treaties of the Soviets of that time, it was only in the context of a renunciation of that legacy. However, on the eve of World War II, the Soviet authorities clearly outlined the Soviet state's claims to its status as a successor state of the Russian Empire, declaring its right to the territories of the Baltic states, Bessarabia, and the western regions of Ukraine and Belarus that had once been part of the Romanov empire, or were claimed by Russia in WWI, such as Galicia and Bukovina. In the USSR, starting in the second half of the 1930s, the image of the Russian Empire as a "prison of peoples" faded into the background, replaced by the arguments about "objective progressiveness" in annexing certain territories and ethnic groups into the empire. However, the role of the October Revolution as the founding myth of the Soviet society persisted until the Soviet Union's implosion and left no doubt that the rupture was crucially important for the Soviet authorities. During Boris Yeltsin's presidency in the 1990s, Russia was trying to shape a new narrative of a young nation, which was starting its history from 1991, but the attempt quite

---

* *Citation:* Miller, A. (2024). The Russian Empire and the Soviet Union: The Dialectics of Rupture and Continuity. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 339–352. DOI 10.15826/qr.2024.1.882.

Цитирование: Миллер А. Российская империя и Советский Союз – диалектика разрыва и преемственности // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 339–352. DOI 10.15826/qr.2024.1.882. / Миллер А. Российская империя и Советский Союз – диалектика разрыва и преемственности // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 339–352. DOI 10.15826/qr.2024.1.882.

predictably failed. After becoming president, Vladimir Putin almost immediately switched to the narrative of “a thousand-year-old state”, proclaiming the legacy of both the Romanov Empire and the Soviet Union part of national history. The article discusses various historiographic approaches to the issue of rupture and continuity between the Romanov empire and the USSR and concludes that one can speak of a radical rupture between the Russian Empire and Soviet Russia (and later, the Soviet Union), since the Soviet project rejected the key components of the late Russian imperial project. At the same time, we can also argue that the imperial nature of the polity itself survived albeit transformed, not just during the 1917–1922 revolutionary crisis but also during the crisis of the 1990s.

Keywords: Romanov Empire, USSR, historiography, memory politics, rupture, continuity

Вопрос о том, чего больше между империей Романовых и СССР, преемственности или противоречий, активно дебатруется не только историками, но также политиками и другими мнемоническими акторами. Советский режим межвоенного периода настойчиво подчеркивал разрыв преемственности как во внутренней политике, так и на международной арене. Если в международных договорах и появлялись отсылки к империи Романовых, то только в контексте заявлений об отказе от этого наследия. Однако накануне Второй мировой войны советская власть стала претендовать на роль наследника Российской империи, заявив свои права на территории прибалтийских государств, Бессарабии, на западные регионы Украины и Белоруссии, которые были частью империи Романовых или на которые империя претендовала в ходе Первой мировой войны, такие как Галиция и Буковина. Начиная с 1930-х гг. образ Российской империи как «тюрьмы народов» отошел на задний план, а на первый вышли рассуждения об «объективной прогрессивности» присоединения тех или иных территорий и этнических групп к империи. Роль Октябрьской революции как мифа основания советского общества сохранялась до краха СССР, и не оставалось сомнений, что тема разрыва в истории была принципиально важна для советской власти. Во время президентства Бориса Ельцина Россия попыталась создать нарратив молодой нации, история которой началась в 1991 г., но эта попытка предсказуемо провалилась. Владимир Путин, став президентом, моментально переключился на нарратив «государства с тысячелетней историей», объявив наследие и империи Романовых, и СССР частью национальной традиции. В статье обсуждаются различные подходы историографии к вопросу о соотношении преемственности и разрыва между империей Романовых и СССР. По мнению автора, есть основания говорить о радикальном разрыве, поскольку советский проект отвергал ключевые элементы российского имперского проекта. В то же время можно утверждать, что имперская природа политики сохранялась несмотря на радикальные трансформации не только во время революционного кризиса 1917–1922 гг., но и во время кризиса 1990-х гг.

Ключевые слова: империя Романовых, СССР, историография, политика памяти, разрыв, преемственность

Лев Толстой заметил, что все счастливые семьи похожи друг на друга, но каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все континентальные империи европейской периферии распались после Первой мировой войны, и сделали они это каждая по-своему. Империя Габсбургов как будто готовилась к распаду в течение многих лет с длинными и подробными договорами о разделе имущества и обязательств, заключенными между вновь возникшими государствами [Engman]. Османская империя до и сразу после Первой мировой войны пережила ожесточенное противостояние своей метрополии с новыми государствами, которые наступали с ее бывшей балканской периферии. Национализировавшееся турецкое государство при Ата-тюрке возникло в результате этого противостояния.

Российский Армагеддон фактически начался в 1918 г. Условия жизни в империи во время Великой войны были гораздо лучше, чем у ее континентальных соперников. Карточки были введены только на сахар из-за популярности самогоноварения. Но когда другие истощенные участники Первой мировой войны начинали в 1918 г. свое медленное послевоенное восстановление, пространство бывшей империи Романовых вступало в период многочисленных гражданских войн и революций. Этот период был на самом деле гораздо более разрушительным, чем годы Первой мировой войны – он длился дольше, в Сибири и на Дальнем Востоке – до 1924 г., и унес точно более 10 млн жизней, а по некоторым оценкам – до 20 млн, в то время как число жертв Первой мировой в самой России (как военных, так и мирных жителей) немногим превысило 3 млн чел.

Годы Гражданской войны затмили годы Первой мировой в памяти оставшихся в живых. Для нового политического режима революция и Гражданская война были гораздо более важным «полезным прошлым», чем Первая мировая война, а большевистская политика памяти способствовала тому, что Первая мировая война стала в СССР в значительной степени «забытой войной».

То, как вспоминают Габсбургов и Османскую империю и их крах, не свободно от политических мотивов. Вопрос объяснения и оценки истории и распада империи Романовых гораздо более сложен и политически ангажирован, поскольку, в отличие от империй Габсбургов и Османов, окончательно распавшихся в результате Первой мировой войны, империя Романовых была воссоздана большевиками в основной своей части к началу 1920-х гг. и обрела форму СССР в 1922 г. Или правильнее было бы сказать, что большевики реализовали на пространстве бывшей империи Романовых качественно иной, может быть, тоже имперский проект?

Вопрос о том, в каких отношениях, преемственности или разрыва, находятся империя Романовых и Советский Союз, активно обсуждается не только историками, но и политиками и другими мнемоническими акторами. Советский режим межвоенного периода активно подчеркивал разрыв как во внутренней политике, так и на междуна-

родной арене. Если в международных договорах Советов того времени и появлялись ссылки на империю Романовых, то только в контексте отказа от этого наследия. Однако накануне Второй мировой войны советские власти четко обозначили претензии Советского государства на статус преемника Российской империи, заявив о своих правах на территории Прибалтики, Бессарабии, западных областей Украины (Волынь) и Белоруссии, которые когда-то входили в состав империи Романовых или на которые Россия претендовала в Первую мировую войну, такие как Галиция и Буковина.

Сталин, редактировавший в 1930-е гг. «Краткий курс истории ВКП(б)», подчеркивал решающую роль классового конфликта, который ранее трактовался как один из двух равноправных факторов, приведших к краху империи Романовых, наряду с национальным угнетением [Brandenberger, Zelenov]. В СССР со второй половины 1930-х гг. образ Российской империи как «тюрьмы народов» отошел на второй план, сменившись рассуждениями об «объективной прогрессивности» присоединения к империи отдельных территорий и этнических групп. Однако роль Октябрьской революции как основополагающего мифа советского общества сохранялась вплоть до распада СССР и не оставляла сомнений в том, что этот разрыв был крайне важен для советской власти. Во время президентства Бориса Ельцина в 1990-е гг. Россия пыталась сформировать новый нарратив молодой страны, которая начинала свою историю с 1991 г., но попытка вполне предсказуемо провалилась. Владимир Путин, став президентом, практически сразу перешел к нарративу «тысячелетнего государства», объявив наследие и империи Романовых, и Советского Союза частью национальной истории.

Преемственность различных воплощений экспансионистского российского империализма (как под черно-желто-белым императорским триколором, так и под красным коммунистическим флагом) подчеркивалась после Второй мировой войны в работах эмигрантских авторов с восточноевропейскими корнями, а после распада социалистического лагеря и Советского Союза – в трудах историков Восточной Европы. В этих интерпретациях Советский Союз выступал как реинкарнация бывшей империи, вынужденной пойти на временные уступки национальным движениям, набравшим силу во время Первой мировой войны и революционного кризиса. В последние годы этот нарратив имперской преемственности вновь набирает популярность. После февраля 2022 г. он стал «нормативным» в журналистике и даже претендует на этот «нормативный» статус в более политически ангажированной части академической среды, где разговоры о «деколонизации» российской истории и России как политического субъекта стали новой «линией партии».

Дискуссия в современной России в основном сосредоточена на причинах краха империи Романовых и на том, какую долю вины в этом следует возложить на различные политические силы. Это

было хорошо видно в год столетия революции, когда весь спектр политических симпатий – от восторженного монархизма до жесткого большевизма – нашел свое выражение в высказываниях о ее причинах и последствиях. Лидеры современной Коммунистической партии России предлагают рассматривать Октябрьскую революцию как акт, спасший несостоявшееся государство под либеральным руководством и создавший дееспособное правительство; то есть они представляют большевиков скорее как восстановителей преемственности [подробнее см.: Миллер]. В этом смысле их позиция совпадает с позицией историков Восточной Европы, описанных выше, хотя эта преемственность рассматривается современными коммунистами как положительное, а не отрицательное явление. Традиция рассматривать Октябрьскую революцию как пример краха остается сильной в либеральной историографии, для которой характерен нарратив «преемственности несвободы», а Февральская революция рассматривается ими как попытка разорвать замкнутый круг авторитарных режимов. Интерпретация Февральской революции как события, спровоцировавшего распад империи, характерна не только для современных коммунистов, но и для тех «консервативных» историков, которые рассматривают Октябрь 1917 г. как эскалацию кризиса и логическое следствие Февральской революции. Столетие событий 1917 г. наглядно показало, что у кремлевских властей нет желания предлагать какую-либо «официальную» интерпретацию. Для Владимира Путина революция 1917 г. в целом стала причиной поражения России в Первой мировой войне, а политика в отношении советских национальностей – первопричиной распада государства в 1991 г. и утраты «исторической России». Российская модель памяти о революции 1917 г. в целом фрагментарна и противоречива.

Среди историков также нет единого мнения о причинно-следственной связи между Великой войной и революцией. Конечно, никто не отрицает, что такая связь существует, но очевидны огромные расхождения в интерпретации того, как именно эта связь работала. Одно из важных достижений менее политически ангажированной историографии 1990-х гг. было связано с преодолением гипнотического влияния 1917 года как вехи, после которой начинается «другая история». Питер Холквист в своей статье о механизмах контроля над массовыми настроениями во время Первой мировой войны показал, что традиционное сравнение 1913 и 1920 гг., предполагающее наличие между ними только одного главного поворотного пункта 1917 года, скрывает меняющуюся динамику государственной политики в отношении контроля над общественными настроениями. Тенденция к повышению внимания к этому вопросу (и численному росту аппарата, призванного им заниматься) заметна во всех воюющих державах с самого начала Первой мировой войны и ни в коем случае не была специфически российским результатом большевистской революции [Holquist, 1997; см. также: Holquist, 2001]. Этот подход использовался

и в отношении многих других аспектов российской истории начала XX в. Он позволил продемонстрировать, в какой степени глобальные тенденции «нового времени» присутствовали в советской практике, хотя и в сильно измененных формах [Kotkin].

Среди историков уже сложился довольно устойчивый консенсус относительно признания того факта, что годы Первой мировой войны резко повысилась значимость этнического фактора в Центральной и Восточной Европе [The Empire and Nationalism at War]. Факторов, действовавших в этом направлении, было множество. В отличие от германо-французского фронта на западе, на востоке линия фронта довольно резко перемещалась много раз в обе стороны, что создавало серьезные проблемы для имперской интеграции на наиболее важных и одновременно наиболее уязвимых западных окраинах. Для России настоящие неприятности начались с катастрофической летней кампании 1915 г., когда немцам после успеха Горлицко-Тарновской операции удалось передвинуть линию фронта на несколько сотен километров на восток [DiNardo]. Это имело множество негативных последствий. Московская толпа немедленно отреагировала грандиозным трехдневным погромом, разграбив имущество тех, кого считали немцами. Власти два дня медлили с принятием решительных мер, принеся призрак беспорядка и паралича управления из западных пограничных районов в сердце империи. Майский погром усилил и без того растущее ощущение незащищенности и хрупкости общественного порядка, которое в 1917 г. станет непреодолимым [Lohr].

Отступление русской армии вызвало огромную волну беженцев. В общей сложности их было более 6 млн, что заставило Питера Гатрелла дать своей книге об этом явлении название «Вся империя бредет» [Gatrell]. Переселенцы легли новым бременем на внутренние губернии, зачастую впервые познакомив жителей провинциальных российских городов с имперским этническим разнообразием. Структуры помощи, организованные по этническому принципу, постепенно превращались в сети национальных движений. Некоторые этнические группы, лояльность которых вызывала подозрения (евреи и немцы), стали объектом депортации из 50-верстной зоны вблизи линии фронта, усугубляя кризис беженцев. Если мы расширим наше понимание массового перемещения, включив в него также миллионы мобилизованных солдат, которые были резко вырваны из привычных условий жизни, то сможем увидеть, как перемещение стало одним из решающих факторов, способствовавших социальным потрясениям, брутализации поведения миллионов вооруженных мужчин и мобилизации этничности [Sanborn; см. также: Hagen, 1998].

В ходе войны соседние империи – Россия, Австро-Венгрия и Германия, которые ранее крайне сдержанно относились к разыгрыванию этнической карты в своих взаимоотношениях и даже были вынуждены проявлять своего рода солидарность из-за совместного участия в разделах Речи Посполитой, теперь в полной мере занялись поощрением

этнического сепаратизма в стане противника [Miller, 2007]. На оккупированных территориях немецкая оккупационная администрация (*Обер-Ост*) поддерживала местные языки и запрещала использование русского языка в публичной сфере. Служащие *Обер-ост* составили «Атлас народов Западной России», утверждая, что он демонстрирует, что «государственное устройство, которое до войны считалось единой Великорусской империей, в значительной степени образовано из территорий самостоятельных этносов, которые стоят не ближе к московитской природе, чем к нам» [Liulevicius, p. 117]. И Германская, и Габсбургская империя предприняли множество других важных шагов по поддержке антирусского национализма в приграничных районах, включая создание отдельных лагерей для военнопленных украинских солдат, где они становились объектом пропагандистских усилий украинских националистов [Grelka; Hagen, 2008]. Многие элементы этой политики были воспроизведены нацистами в первые годы их войны на Востоке [Grelka]. Наконец, летом 1917 г. рост дезертирства заставил верховное командование предложить национализацию воинских частей. По приказу главнокомандующего генерала Лавра Корнилова начались украинизация и белорусизация армейских корпусов. После прихода большевиков к власти в столицах командиром украинизированных корпусов стал верный имперский генерал Павел Скоропадский, вскоре в результате этой политики превратившийся в гетмана Украины Павло Скоропадского.

Большевикам пришлось иметь дело с этим наследием этнической мобилизации, а также с результатами национальных движений и образованием новых государств на окраинах империи в первые послевоенные годы. Несомненно, что многие специалисты, которых Советский Союз привлекал к разработке различных аспектов национальной политики, профессионально сформировались в дореволюционный период. Роли этих экспертов-этнографов в разработке советской политики в отношении национальностей посвящена, в частности, книга Франсин Хирш [Hirsch]. Она важна в данном контексте, поскольку в ней наглядно демонстрируется тенденция к преувеличению роли наследия империи Романовых в советской политике в отношении национальностей. Подход Хирш, хотя и с несколько более тщательным акцентом на преемственности экспертизы, также можно усмотреть в работах Веры Тольц и Жюльетты Кадью [Cadiot; Tolz].

Иной подход, подчеркивающий новизну советской политики в отношении национальностей, был наиболее полно изложен Терри Мартином [Martin, 2001] и несколько ранее – Робертом Кайзером, исследовавшим тему территориализации и институционализации этничности в межвоенном Советском Союзе [Kaiser]. Мартин считает советскую политику в отношении национальностей инновационной и уникальной для того времени, когда она была реализована. По сути, план большевиков состоял в том, чтобы «задушить национализм в своих объятиях», систематически репрессирова «буржуазных нацио-

налистов» за любые попытки сохранить существенную политическую автономию. Не менее важным было и то, что в рамках этой политики можно было настаивать на новом, неимперском характере политического образования, возникшего на обломках Российской империи.

Мартин рассуждает о том, следует ли считать Советский Союз империей, и даже осторожно предполагает, что эта концепция к СССР неприменима. Его концепция «империи позитивных действий» призвана подчеркнуть принципиальную новизну советской политики в отношении национальностей по сравнению с колониализмом и империализмом модерных империй. Политика позитивных действий или позитивной дискриминации по отношению к нерусским народам неизбежно предполагает ущемление интересов этнического русского населения, готовность этнических русских идти на жертвы в интересах других национальностей. Институционализация и территориализация этничности в рамках большевистской политики коренизации создали колоссальную пирамиду из более чем 10 тыс. национальных образований, от национальных колхозов до номинально суверенных союзных республик [Martin, 2002].

Трудно согласиться с Мартином в том, что концепция империи не подходит к практике СССР. Однако его аргумент о разрыве между российским имперским проектом и большевистским проектом можно было бы значительно развить и усилить. Важной составляющей советской политики было освобождение восточных и южных окраин от русской сельскохозяйственной колонизации, которая активно развивалась до революции. В ряде случаев на Северном Кавказе, в Казахстане и Средней Азии казаки и русское население выселялись под флагом политики деколонизации. Новый приток русских в советские республики сосредоточился в промышленных городах и был совершенно иным по своим механизмам и обоснованиям. Ключевым постулатом советской национальной политики было утверждение статуса белорусов и украинцев как отдельных наций. В империи Романовых малорусы и белорусы считались ветвями русской нации наряду с великорусами [Miller, 2003]. Советское правительство упорно боролось с этой идеей и активно способствовало утверждению украинской и белорусской национальной идентичности как однозначно отдельных от великорусской или, в советском варианте, русской идентичности. Само понятие этнического русского стало фактически синонимом великорусского. Иными словами, большевики целенаправленно занялись демонтажом усилий по созданию большой русской нации, которые стояли в центре политики Российской империи в отношении национальностей. Этот имперский проект построения триединой русской нации соответствовал общей тенденции длинного XIX в., который Юрген Остерхаммель назвал веком «империй и национализма» [Osterhammel]. Действительно, строительство всех крупных европейских наций происходило в ядре империй и в тесной связи с динамикой имперской экспансии или сжатия [Nationalizing

Empires]. Русский имперский национализм («великорусский шовинизм» в лексиконе Ленина) и социальные слои, служившие его опорой (дворянство, зажиточные городские слои, казачество, православное духовенство и та часть крестьянства, которая находилась под его влиянием), были главными врагами большевиков как во время Гражданской войны, так и в последующие годы. Частичная «реабилитация» русской традиции была проведена Сталиным во второй половине 1930-х гг. только после того, как все эти социальные группы были разгромлены [Vujacic].

Чтобы понять динамику этих поистине революционных процессов, следует помнить, что Гражданская война подорвала, а коллективизация и индустриализация в итоге сломали демографический тренд, существовавший в начале XX в. и позволявший демографам прогнозировать рост населения России до 350 млн чел. к середине XX в. Конечно, урбанизация в любом случае изменила бы демографическую модель, но это произошло бы гораздо позже и более плавно.

В новейшей отечественной историографии дается гораздо более позитивная оценка предвоенного экономического развития, включая рост ВВП, научные инновации в промышленности и рост производительности труда [Кафенгауз; Кожевников; Саломатина; Сапрыкин]. Если согласиться с тем, что социально-экономическое развитие России накануне Первой мировой войны давало стране шанс на устойчивый инновационный рост, темпы которого превышали бы мировые тенденции, то можно оценить большевистскую модернизацию как очень затратный вариант экономического развития, давший заведомо более ограниченные и неустойчивые результаты.

Существует две школы, выражающие различные взгляды на распад Российской империи. Одна утверждает, что кризис империи, столь драматично проявившийся в революции 1905 г., со временем только углублялся, социальная напряженность и периферийные проявления национализма росли, а решить эти проблемы не было никакой возможности. Таким образом, Первая мировая война стала лишь последним толчком, который привел империю к концу.

Другая школа, к которой принадлежит и автор этой статьи, признает тот факт, что Россия находилась в серьезном кризисе. Однако противоречия, конфликты и ограничения последнего десятилетия не были неуправляемыми. Периферийные варианты национализма не набирали силу до Первой мировой войны, крестьянство и деревня в целом менялись благодаря столыпинской реформе. Новая политическая система с Государственной думой и легальными партиями не была всеобъемлющей, но все же давала определенное пространство для легальной деятельности и приспособления даже для периферийных националистических политиков. Многие наблюдатели того времени видели две огромные континентальные империи (США и Россию) как две гегемонистские имперские державы в будущем XX в.

В этой перспективе Первая мировая война стала решающим событием, которое резко изменило состояние империи и привело к революции и имперскому краху. В 1916 г. экономика еще функционировала удовлетворительно, и у империи были шансы выйти из войны в числе победителей. Распад Российской империи произошел прежде всего в имперском ядре. Империю предала ее элита, которая так распорядилась отречением царя от престола, что это привело к краху самого института монархии. Либеральным и умеренно-социалистическим политикам не удалось создать сколько-нибудь функциональное правительство, и состояние империи в 1917 г. резко ухудшилось. Революция не последовала за поражением в войне, а скорее вызвала это поражение. Можно сказать, что Россия не проиграла войну, но не доиграла ее до конца.

Падение дисциплины в армии породило массы солдат, которые дезертировали с фронта или были демобилизованы и принесли насилие с полей сражений в имперскую глубинку. Они стали главной силой грабежей, погромов и разрушений, которые господствовали на пространстве бывшей империи в 1918–1919 гг. [Булдаков]. Беспрецедентная волна насилия еще больше усугубила ситуацию социального коллапса, вызванного крахом государства, за которым последовали крах муниципальных структур и социальная катастрофа [Города империи в годы Великой войны и революций].

В результате победы большевиков российский центр постимперского пространства утратил свою легитимность не только в глазах многих периферийных акторов, изначально лояльных к империи, но и для большинства старых элит, ощущавших себя частью русской нации. Пьер Паскаль, французский эмиссар в России в 1917 г., беседуя с офицером, который говорил, что теперь он чувствует себя не русским, а кавказцем, отметил в своем дневнике: «Они больше не хотят быть русскими: знаю эти грустные речи» [Паскаль, с. 372].

Чтобы понять масштаб разрыва советского проекта с бывшей империей, причем не только в области политики в отношении национальностей, можно провести следующий мысленный эксперимент. Представим себе любой другой исход политического кризиса 1917–1920 гг., то есть удержание власти кем-либо из конкурентов большевиков. Скорее всего, это мог бы быть авторитарный режим во главе с тем или иным генералом (типичный восточноевропейский сценарий от Маннергейма и Пилсудского до Хорти и Антонеску). Мы можем даже представить себе успех Учредительного собрания и создание более или менее либерального или социал-демократического парламентского режима, как это было в Германии, Австрии или Чехословакии. Каким бы ни был предполагаемый альтернативный исход, можно с уверенностью утверждать, что ряд важнейших последствий большевистской политики просто не наступил бы. Принцип частной собственности сохранился бы, а значит, сохранились бы и те социальные слои, которые были полностью уничтожены, как буржуазия, или радикально

трансформированы, как крестьянство. Сохранилось бы и гораздо более влиятельное положение церкви. И так далее. Иными словами, различия между любыми другими политическими режимами и степень их разрыва с наследием империи Романовых были бы явно меньше, чем в реальном сценарии, в котором преуспели большевики.

Сам факт того, что всего через пять лет после распада империи Романовых большая часть ее пространства была вновь закреплена за новой державой, возникшей в ядре бывшей империи, свидетельствует о том, что потенциал имперского строительства в регионе был далеко не исчерпан. Таким образом, можно говорить о радикальном разрыве между Российской империей и Советской Россией (а затем и Советским Союзом), поскольку советский проект отверг ключевые компоненты общерусского имперского проекта. В то же время можно утверждать, что имперский характер самой политики сохранился, хотя и трансформировался, не только в период революционного кризиса 1917–1922 гг., но и в период кризиса 1990-х гг.

Библиографические ссылки

Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. 373 с.

Города империи в годы Великой войны и революций / под ред. А. Миллера, Д. Черного. СПб. : Нестор-История, 2017. 520 с.

Кафенгауз Л. Эволюция промышленного производства России. М. : Епифания, 1994. 848 с.

Миллер А. И. Революция 1917 года: история, память, политика // Валдайские записки : [сайт]. 2018. 31 янв. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-81/> (дата обращения: 07.02.2024).

Паскаль П. Русский дневник. Екатеринбург : Гонзо, 2014. 592 с.

Саломатина С. Банки на закате Российской империи: итоги развития и рассуждения в жанре «если бы» // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / под ред. А. И. Миллера, К. А. Соловьева. М. : Квадрига, 2021. С. 564–592.

Сапрыкин Д. «Золотой век» российских инноваций: предвоенный подъем 1909–1914 гг. в истории отечественной науки и промышленности // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / под ред. А. И. Миллера, К. А. Соловьева. М. : Квадрига, 2021. С. 478–533.

Brandenberger D., Zelenov M. V. Stalin's Master Narrative : A Critical Edition of the History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), Short Course. N. Haven ; CT : Yale Univ. Press, 2019. 744 p.

Cadiot J. Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917) // Russian Rev. 2005. № 64 (3). P. 440–455.

DiNardo R. L. Breakthrough: The Gorlice-Tarnów Campaign, 1915. Santa Barbara : Praeger, 2010. 215 p.

The Empire and Nationalism at War / ed. by E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. V. Hagen. Bloomington : Slavica Publ., 2014. 288 p.

Engman M. Consequences of Dissolving an Empire: The Habsburg and Romanov Cases // Studia Baltica Stockholmiensia. 1994. № 13. P. 21–33.

Gatrell P W. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during the First World War. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1999. 317 p.

Grelka F. Die Ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42. Studien der Forschungsstelle Ostmitteleuropa an der Universität Dortmund. Bd. 38. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2005. 507 S.

Hagen M. V. *The Great War and the Mobilization of Ethnicity // Post-Soviet Political Order: Conflict and State Building* / ed. by B. R. Rubin, J. L. Snyder. L. : Routledge, 1998. P. 34–57.

Hagen M. V. *War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918*. Seattle : Herbert J. Ellison Center for Russian, East European, and Central Asian Studies, 2008. 122 p.

Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2005. 367 p.

Holquist P. “Information Is the Alpha and Omega of Our Work”: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *The J. of Modern History*. 1997. № 69 (3). P. 415–450.

Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / ed. by R. G. Suny, T. Martin. Oxford : Oxford Univ. Press, 2001. P. 111–144.

Kaiser R. G. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton ; N. J. : Princeton Univ. Press, 1994. 496 p.

Kojevnikov A. *The Great War, the Russian Civil War, and the Invention of Big Science // Science in Context*. 2002. № 15 (2). P. 239–275.

Kotkin S. *Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjunction* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. № 2 (1). P. 111–164.

Liulevicius V. G. *War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. 309 p.

Lohr E. *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I*. Cambridge, MA ; L. : Harvard Univ. Press, 2003. 237 p.

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2001. 496 p.

Martin T. *The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // Ab Imperio*. 2002. № 2. P. 91–105.

Miller A. I. *The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century*. Budapest : Central Europ. Univ. Press, 2003. 295 p.

Miller A. I. *The Value and the Limits of a Comparative Approach in the History of Contiguous Empires on the European Periphery // Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / ed. by K. Matsuzato. Sapporo : Slavic Research Center at Hokkaido Univ., 2007. P. 11–24.

Nationalizing Empires / ed. by S. Berger, A. I. Miller. Budapest : Central Europ. Univ. Press, 2015. 700 p.

Osterhammel J. *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton; N. J. : Princeton Univ. Press, 2015. 1192 p.

Sanborn J. A. *Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I* // *The J. of Modern History*. 2005. № 77 (2). P. 290–324.

Tolz V. *Russia’s Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2011. 224 p.

Vujacic V. *Stalinism and Russian Nationalism: A Reconceptualization // Post-Soviet Affairs*. 2007. № 23 (2). P. 156–183.

References

Berger, S., Miller, A. I. (Eds.). (2015). *Nationalizing Empires*. Budapest, Central Europ. Univ. Press. 700 p.

Brandenberger, D., Zelenov, M. V. (2019). *Stalin’s Master Narrative : A Critical Edition of the History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), Short Course*. N. Haven, CT, Yale Univ. Press. 744 p.

Buldakov, V. P. (1997). *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Time of Troubles. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, ROSSPEN. 373 p.

Cadiot, J. (2005). Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917). In *Russian Rev.* No. 64 (3), pp. 440–455.

DiNardo, R. L. (2010). *Breakthrough: The Gorlice-Tarnów Campaign, 1915*. Santa Barbara, Praeger. 215 p.

Engman, M. (1994). Consequences of Dissolving an Empire: The Habsburg and Romanov Cases. In *Studia Baltica Stockholmiensia*. No. 13, pp. 21–33.

Gatrell, P. W. (1999). *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during the First World War*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 317 p.

Grelka, F. (2005). *Die Ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42. Studien der Forschungsstelle Ostmitteleuropa an der Universität Dortmund*. Bd. 38. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag. 507 S.

Hagen, M. V. (1998). The Great War and the Mobilization of Ethnicity. In Rubin, B. R., Snyder, J. L. (Eds.). *Post-Soviet Political Order: Conflict and State Building*. L., Routledge, pp. 34–57.

Hagen, M. V. (2008). *War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918*. Seattle, Herbert J. Ellison Center for Russian, East European, and Central Asian Studies. 122 p.

Hirsch, F. (2005). *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 367 p.

Holquist, P. (1997). “Information Is the Alpha and Omega of Our Work”: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context. In *The J. of Modern History*. No. 69 (3), pp. 415–450.

Holquist, P. (2001). To Count, to Extract, and to Exterminate. Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia. In Suny, R. G., Martin, T. (Eds.). *A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. Oxford, Oxford Univ. Press, pp. 111–144.

Kafengauz, L. (1994). *Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii* [The Evolution of Industrial Production in Russia]. Moscow, Epifaniya. 848 p.

Kaiser, R. G. (1994). *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton, N. J., Princeton Univ. Press. 496 p.

Kojevnikov, A. (2002). The Great War, the Russian Civil War, and the Invention of Big Science. In *Science in Context*. No. 15 (2), pp. 239–275.

Kotkin, S. (2001). Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjuncture. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. No. 2 (1), pp. 111–164.

Liulevicius, V. G. (2000). *War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 309 p.

Lohr, E. (2003). *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I*. Cambridge, MA, L., Harvard Univ. Press. 237 p.

Lohr, E., Tolz, V., Semyonov, A., Hagen, M. V. (Eds.). (2014). *The Empire and Nationalism at War*. Bloomington, Slavica Publ. 288 p.

Martin, T. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY, Cornell Univ. Press. 496 p.

Martin, T. (2002). The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 91–105.

Miller, A. I. (2003). *The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century*. Budapest, Central Europ. Univ. Press. 295 p.

Miller, A., Chernyi, D. (Eds.). (2017). *Goroda imperii v gody Velikoi voiny i revolyutsii* [Cities of the Empire during the Great War and Revolutions]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 520 p.

Miller, A. I. (2007). The Value and the Limits of a Comparative Approach in the History of Contiguous Empires on the European Periphery. In Matsuzato, K. (Ed.). *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*. Sapporo, Slavic Research Center at Hokkaido Univ., pp. 11–24.

Miller, A. I. (2018). Revolyutsiya 1917 goda: istoriya, pamyat', politika [The Revolution of 1917: History, Memory, Politics]. In *Valdaiskie zapiski* [website]. 31 Jan. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-81/> (accessed: 07.02.2024).

Osterhammel, J. (2015). *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton, N. J., Princeton Univ. Press. 1192 p.

Pascal, P. (2014). *Russkii dnevnik* [Russian Diary]. Yekaterinburg, Gonzo. 592 p.

Salomatina, S. (2021). Banki na zakate Rossiiskoi imperii: itogi razvitiya i rassuzhdeniya v zhanre “esli by” [Banks at the End of the Russian Empire: Results of Development and Reasoning in the “if only” Genre]. In Miller, A. I., Solovyov, K. A. (Eds.). *Rossiiskaya imperiya mezhdu reformami i revolyutsiyami, 1906–1916*. Moscow, Kvadriga, pp. 564–592.

Sanborn, J. A. (2005). Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I. In *The J. of Modern History*. No. 77 (2), pp. 290–324.

Saprykin, D. (2021). “Zolotoi vek” rossiiskikh innovatsii: predvoennyi pod”em 1909–1914 gg. v istorii otechestvennoi nauki i promyshlennosti [“Golden Age” of Russian Innovation: The Pre-War Rise of 1909–1914 in the History of Russian Science and Industry]. In Miller, A. I., Solovyov, K. A. (Eds.). *Rossiiskaya imperiya mezhdu reformami i revolyutsiyami, 1906–1916*. Moscow, Kvadriga, pp. 478–533.

Tolz, V. (2011). *Russia’s Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford, Oxford Univ. Press. 224 p.

Vujacic, V. (2007). Stalinism and Russian Nationalism: A Reconceptualization. In *Post-Soviet Affairs*. No. 23 (2), pp. 156–183.

The article was submitted on 03.12.2023